

ЖИЗНЬ БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА: НАС ВСЕХ ПОДСТРЕГАЕТ СЛУЧАЙ...

Потомки Бруни и Бальмонта на литовской земле

Есть крылатое выражение: когда говорят пушки, музы молчат. Но бывает так, что музы своим негромким голосом заглушают пушки.

13 января 1991 года в Литве у здания телебашни разыгралась кровавая трагедия, и мало кто понимал, что случилось. Тогда российская газета «Экран и сцена» вышла со стихами поэта Серебряного века Константина Бальмонта на первой странице, посвященными горячо любимой им Литве.

Недавно скончавшийся Александр Александрович Авдеенко, основатель и бессменный руководитель газеты «Экран и сцена», объяснил свой тогдашний выбор просто. Когда-то давно он познакомился с Теодорасом Валайтисом, скульптором из Литвы, «талантливым как черт». Знакомству предшествовало романтическое событие: литовец женился и увез к себе Марьяну, подругу детства Авдеенко, «самую красивую девушку Замоскворечья». Благодаря этой паре, а также их друзьям, в круг которых входил и замечательный художник-график Стасис Красаускас, Александр Авдеенко узнал и полюбил янтарный край. В январе 1991 года зазвонил телефон, и он услышал рыдающий голос Марьяны: «У нас война. Расскажи об этом всем, кому сможешь».

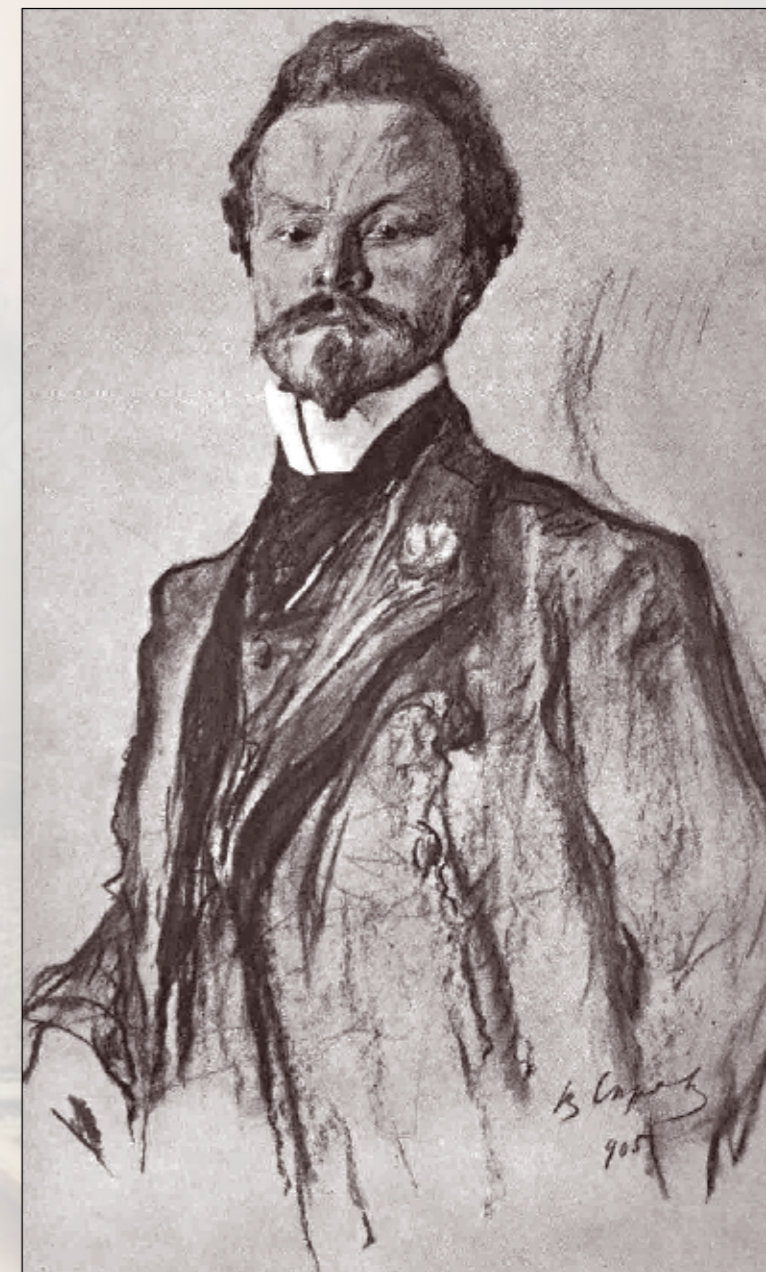
Его подругой детства была Марьяна Бруни, дочь известного русского художника Льва Бруни, о котором современники говорили, что он «заражен» искусством на генетическом уровне, ибо его дедами и прадедами были выдающиеся российские художники Соколов, Брюллов, Бруни. А по материнской линии Марьяна является внучкой Константина Бальмонта. И так сложилось, что спустя десятилетия поэт встал на защиту и Литвы, и внучки, и правнуков.

«СРЕДЬ РАЗНЫХ СТРАН ЖЕЛАННА МНЕ ЛИТВА»

Любовь Константина Бальмонта к лесной царевне Литве воплотилась в нескольких циклах стихов, ей посвященных, переводах на русский язык народных песен, стихотворений плеяды литовских поэтов, которые составляют нынче гордость литовской литературы, а также в политических акциях. Благодаря своему другу, поэту и дипломату Юргису Балтрушайтису, он сумел выехать из советской России во Францию, приезжал в тогдашнюю столицу Литвы Каунас, где его ждали многочисленные друзья. Бальмонт настолько проникся проблемами, которыми жила тогда творческая интеллигенция страны, что в стихах и публицистических выступлениях оказал огромную поддержку литовцам в их стремлении вернуть утраченную древнюю столицу Вильнюс и Вильнюсский край. До конца своих дней (он умер в 1942 году в местечке Нуази-ле-Гран под Парижем

в доме для престарелых) поэт поддерживал творческие и дружеские контакты с литовской интеллигенцией. Среди небольшой группы родственников и поклонников, провожавших Бальмонта в последний путь, были и его давние верные друзья – чета Балтрушайтисов.

Нужно сказать, что романтическая любовь Бальмонта к литовской поэзии была взаимной. Этот литературный феномен по-прежнему вызывает большой интерес у литовских исследователей, в том числе и у молодого поколения, которое сегодня более ориентировано на труды англоязычных авторов. Одна из последних монографий, посвященных Бальмонту, вышла в конце минувшего года. Ее автор – Кристина Сакалаускайте, выпускница Каунасского университета им. Витаутаса Великого, где, к слову, сегодня мало кто занимается русской литературой, представляя свою книгу, призналась, что благодаря русскому поэту открыла для себя довоенный Каунас, проблемы и чаяния литовской творческой интеллигенции той поры. Для современной литовской молодежи знакомство с культурной жизнью тех времен в некотором смысле такое же открытие, как для иных россиян эпоха Серебряного века. И Константин Бальмонт до сих пор является, пожалуй, одним из самых переводимых русских поэтов. На его стихи писали романсы музыкальные классики Юргис Карнавичюс и Юозас Таллат-Кялпша. По утверждению исследователя, литературные вечера и радиоэфир в тридцатых годах прошлого века стали для стихотворений Бальмонта таким же родным пространством, как собственно литовские книги и периодика. Его поэзией восхищались поэты и писатели Людас Гира, Балис Сруога, основоположники литовского символизма, чье творчество формировалось под его влиянием. В процессе перевода его стихов

Романтическая любовь Бальмонта к литовской поэзии была взаимной.

обогащалась литовская литературная речь, была создана школа художественного перевода. Знавший множество языков Бальмонт неоднократно помогал литовским поэтам как автор вспомогательных текстов. Благодаря такому содружеству были качественно переведены «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, произведения Эдгара По.

Будучи укорененным в литовской культуре, поэт вряд ли мог предположить, что много лет спустя Литва станет родным домом для его внучки Марьяны и здесь появятся на свет его правнуки.

Встреча Константина Бальмонта в 1931 году на железнодорожном вокзале в Кибартай (Литва). В первом ряду К.Бальмонт с женой, рядом писатель Людас Гира с женой Брониславой. Во втором ряду (второй слева) сын Людаса Гира, поэт Витаутас Сириос-Гира. (Снимок из личного архива Д. Сириос-Гирайте)

(Сейчас Марьяна живет в небольшом поместье в 30 километрах от Вильнюса, где ее второй муж художник Гядиминас Кавалаускас унаследовал свыше 20 гектаров родительской земли и отстроил настоящую усадьбу).

БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ

«То, что Литва стала вашим домом, случайность?» – спросила я Марьяну при встрече. «В первый раз я приехала с мамой в Вильнюс, чтобы заняться бальмонтским архивом, который хранился в Литературном институте, – рассказала она. – Его возглавлял тогда поэт и писатель Костас Корсакас, хорошо знавший деда и переводивший его стихи. Позже выяснилось, что это был перст судьбы, о чем я никогда не жалела».

Пушкинская строка о странных сближениях

несет в себе философский смысл, намекая на непредсказуемость человеческих судеб и взаимосвязанность далеких друг от друга событий. В советские годы в России интерес к поэту Бальмонту

Александр Бенца называл Бруни «академическим футуристом».

был утерян, но его дочь от первого брака Нина Константиновна, мама Марьяны, обожала его стихи и внушала эту любовь своим детям (Марьяна была седьмым, младшим ребенком в семье). Она сама перепечатывала и копировала все связанные с поэтом документы, которые передала в Центральный государственный архив литературы и искусства. Этот интерес привел ее в Литву, где, как она узнала, сохранились многочисленные письма поэта его друзьям. В начале 60-х Нина Константи-

новна приехала вместе с дочерью Марьяной в Вильнюс. Они встретили самый сердечный прием. Завязались многочисленные дружеские связи. Благодаря одному из друзей, передавших Марьяне в Москву сувенир, она познакомилась со своим первым мужем Теодорасом Валайтисом, одним из самых интересных литовских скульпторов, во многом опередившим свое время. Они встретились впервые в музее имени Пушкина, потом посещали все московские галереи, и когда в Третьяковке этот огромный сурового вида мужчина, глядя на иконы, разрыдался от охватившего его волнения, Марьяна поняла, что нашла любовь на всю жизнь. Переезд в Вильнюс не заставил себя ждать.

Вскоре появился первенец Кристофорас. Молодая семья жила очень стесненно, и Марьяне почти сразу пришлось работать. Она окончила Московский текстильный институт и получила распределение в Вильнюсский дом моделей. Там тогда царил полная рутина, и от молодых модельеров требовалось только одно: сидеть в уголке и помалкивать со своими идеями.

Она ушла из Дома моделей без сожаления и, как полагает, творчески нашла себя на швейной фабрике «Рамуне», где работала в экспериментальном цехе до пенсии. Начальство всеми правдами и неправдами доставало небольшие отрезки модных тканей, а молодые модельеры создавали то, что им казалось интересным. С этими коллекциями ездили по Литве, демонстрируя свои работы. Особой любовью Марьяны пользовались пальто. У нее даже была идея создать коллекцию «Пальто с утра до вечера». В советские времена ее мама регулярно ездила к многочисленной родне во Францию, где обычно собирали для бедных российских родственников посылки. В одной из них было «гуманитарное» пальто, которое попеременно носили и мама, и Марьяна, и жена брата. Несмотря

на интенсивное использование, оно не потеряло своего французского шика. «Было время, – вспоминает Марьяна, – когда практически все вильнюсские модницы щеголяли в разработанных мною моделях. Если бы за каждое пальто я получила хотя бы по 10 копеек, то была бы, наверное, миллионершей».

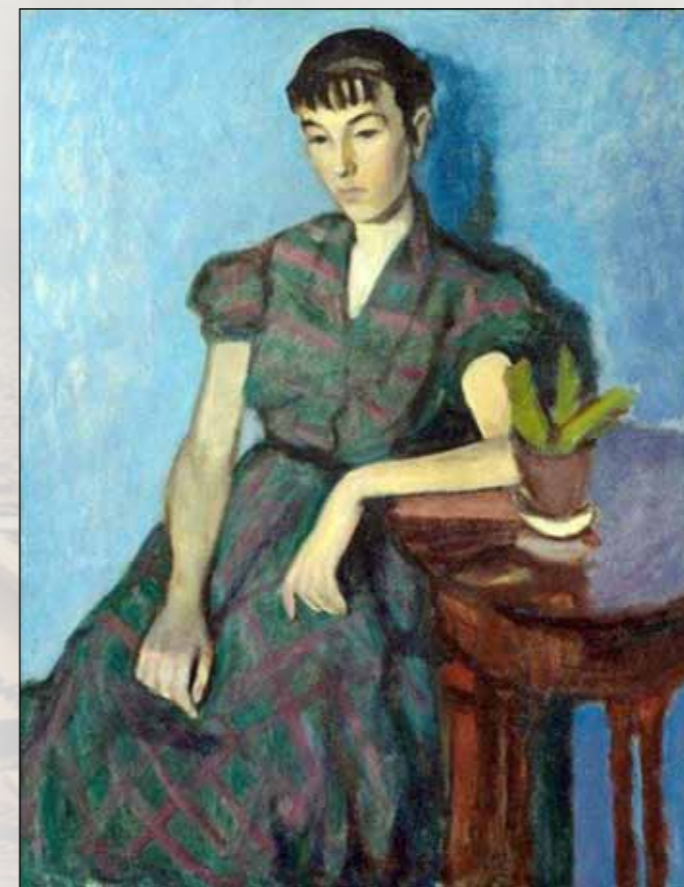
Впрочем, сама Марьяна до сих пор служит образцом элегантности и той аристократической красоты, которая заставляет людей оборачиваться на улице. Одно время она работала манекенщицей в Вильнюсском доме моделей и должна была участвовать в ЭКСПО в Японии. Но вдруг выяснилось, что она «невъездная». Это печальное «открытие» со-

впало с творческой драмой ее мужа, скульптора Валайтиса: его не выпустили в Сан-Паулу на международную выставку, к которой он готовился несколько лет. Молодые супруги умели справляться с трудностями вместе. К сожалению, их семейная жизнь была недолгой. В 1974 году Теодорас трагически погиб.

После этого несчастного случая, когда вы остались с двумя детьми (сыном Кристофорасом и дочерью Марией) на руках, не было желания всё бросить и уехать в Москву?

Никогда не думала об этом. Меня всегда поддерживали друзья. Мой второй муж, Гядиминас, очень дружил с Теодорасом и заботился о том, чтобы его работы продолжали жить. Скульптуры Теодораса украшают район Лаздинай в Вильнюсе («Флюгер»), в Алитусе, к чему немало сил приложил Гядиминас. Он и сейчас некоторые замыслы Теодораса, выполненные на картоне, сам реализует в металле.

В своей московской жизни Вы были окружены известными музыкантами, художниками,

Портрет Марьяны в юности работы художника Андрея Гончарова

актерами, которые были вхожи в Ваш дом, собирались каждую неделю. У Вас не было ностальгии по тому насыщенному общению, бурлящей культурной жизни?

В Вильнюсе мы практически не бываем одни, обязательно кто-то гостит. Я охотнее принимаю родственников и друзей здесь, чем выезжаю в Москву. Последнее время перестала ездить в крымский Судак, где проводила свои детские годы и где летом жили мои дети. Там всему нашему

Род Бальмонтов настолько разветвлен по всей планете, что достоин специального жизнеописания.

многочисленному семейству осталась в наследство отцовская дача. Что-то безвозвратно исчезло в атмосфере старинного южного курорта... К тому же мы живем в таком райском месте под Вильнюсом, что все только удивляются и ахают. По утрам нас навещают серны и косули.

То есть Вы не жалуетесь на судьбу?

Несмотря на все испытания, я чувствую себя совершенно счастливым человеком. Я довольна своими детьми. Старший сын окончил ювелирику в Риге, сейчас живет в Нью-Йорке и работает по специальности. Дочь Мария, невестка известного литовского скульптора Вильджюнаса, воспитывает детей и поддерживает в доме очаг гостеприимства. У нее сегодня любят собираться представители современной литовской интеллигенции. Младший сын Александрас работает в Национальной галерее Вильнюса.

У них есть способности к стихосложению?

Насчет стихов не могу ничего сказать, а вот художественным даром они наделены. Вероятно, это гены моего отца Льва Бруни. Мои старшие братья были хорошими художниками. Успешно продолжает семейную традицию мой московский племянник Лаврик.

ВЕРНИСАЖИ В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

Марьяне было семь лет, когда умер отец.

Известно, что в круг близких друзей Льва Александровича Бруни входили Владимир Маяковский, Николай Пунин, Владимир Фаворский, Владимир Татлин и очень многие другие выдающиеся

творцы, составившие славу русского советского искусства. В его жизни, охватившей первую половину XX века, сошлись практически все векторы эпохи. С одной стороны, он соединял классические традиции предков, с другой – был лидером авангардистов. За соединение этих качеств Александр Бенуа называл его «академическим футуристом». От революции он уехал в Сибирь, где тогда правил Колчак, и прославился антибольшевистскими взглядами. Но как художник он был скорее вне политики и признавал только общечеловеческие ценности. Будучи православным христианином, духовным сыном оптинского старца, в смутные

годы после революции Лев Александрович с семьей находит пристанище в Оптиной пустыни. Даже после ее разорения и уничтожения монастыря его жена и дети долгое время пытались укрыться от невзгод в этом намоленном месте. К счастью для семьи талант Льва Александровича как художника-монументалиста оказался востребован и до конца жизни (умер в 1948 году) он возглавлял Монументальные мастерские. Акварели и карандашные наброски он писал, можно сказать, для себя.

Кормилицей многочисленной семьи стала мама, знавшая очень хорошо французский и английский языки. После смерти мужа она пошла работать корректором в Бюллетень иностранной коммерческой информации, что ей очень нравилось, поскольку в издании не было никакой политики, а публиковались цены на кофе и другие экзотические товары. Семья ютилась в двух комнатах в коммунальной квартире, однако каждый год Нина Константиновна устраивала для друзей своеобразные вернисажи работ своего мужа, чьи картины теперь есть в Русском музее Петербурга, в других российских и зарубежных музеях. Здесь бывали художники, актеры, музыканты, писатели, практически весь цвет московской интеллигенции. Да и в самой коммунальной квартире жило немало художников. Несмотря на все тяготы быта и тесноту, люди вполне достойно сосуществовали друг с другом и после расселения в разные концы Москвы поддерживали друг друга как могли, общались. Особенно тяжело дался переезд Нине Константиновне, которой после болезни ампутировали ногу. Нина Константиновна на 42 года пережила своего мужа.

Ваша мама часто навещала вас в Вильнюсе?

Как правило, ежегодно. Она обязательно приезжала в Вильнюс на Пасху. В Москве тогда церковью было немного, и в светлый праздник там буквально нельзя было протолкнуться. Что уж говорить о пожилой женщине с костылями! А для мамы, как и для всех верующих, этот праздник был очень важен.

ЗДРАВСТВУЙ, ПОРОСЛЬ, ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ!

Когда Марьяна с мужем задумали поставить памятник Константину Бальмонту в Вильнюсе, решили отыскать всех рассеянных по свету родственников. Один ее московский племянник, журналист, бросил клич об этом в СМИ. Основную сумму пожертвовала Марьяна, продав картину отца. Неожиданно откликнулся Борис Бальмонт, о существовании которого никто не знал. Сам он не смог приехать на открытие памятника, но выслал недостающую сумму денег.

Между делом выяснилось, что род Бальмонтов настолько разветвлен по всей планете, что достоин специального жизнеописания. Мало кто знает, например, что выдающийся кубинский писатель Алехо Карпентьер также принадлежит к этому роду. Тетя Бальмонта училась в Лозанне, там вышла замуж за кубинца. Плодом этого союза и стал знаменитый писатель.

Марьяна твердо решила собрать наконец полную родословную. Об этом ее особенно просит дочь Бальмонта от последнего брака Светлана, которая сейчас живет в США. Ей уже 89 лет, но энергии и живости ей не занимать. Ее муж-американец, помешанный на порядке, был в ужасе, когда после открытия границ Светлана тут же отправилась навещать российских родственников. Для него и французские дороги казались безобразными, поэтому он никогда не ездил в Париж, где у Светланы есть небольшая квартира. Познакомившись со своими многочисленными родственниками, она сделала

для себя утешительный вывод: «Раньше иногда думала, что я сумасшедшая, а теперь поняла, что на самом деле я русская».

Вот и на этот раз неугомонная дочь Бальмонта втянула в очередную авантюру его внучку. Вместе с Марьяной и ее мужем они отправились на месяц в Марокко, где собираются путешествовать и любоваться местными красотами. Марьяна с мужем встретят тетушку в Париже, побывают на могиле Константина Бальмонта, затем доедут до Испании, где сейчас учится дочь Кристофораса, а оттуда на пароме переберутся в Марокко. Превратности рискованного путешествия их не пугают. После того как гостившая у сына в Нью-Йорке Марьяна своими глазами наблюдала взрыв башен-близнецов из квартиры, располагающейся практически напротив, ей уже, кажется, ничего не страшно.

Марьяна (в Литве ее зовут Марианной) со своей тетей Светланой

А после экзотического путешествия она пообещала себе засесть-таки за генеалогию предков, чтобы потомки, рассеянные по всему миру, могли однажды с гордостью сказать, кем были их пра-пра-прабабушки и дедушки. И может случиться так, что в последующих поколениях вновь проявятся благодаря генам удивительные таланты, которые составят гордость мировой культуры.

Галина Афанасьева